

Моя Москва

Валерий Печейкин

Комедия

Действующие лица:

Сорокин Петр, молодой мужчина
Сорокина Анна Сергеевна, его мать
Сорокин Кирилл Петрович, его отец
Сорокина Светлана, его жена
Сорокин Иван, его брат

Проскудин Филипп Романович, друг семьи
Проскудина Алла Львовна, друг семьи

Сцена ярко освещена, посреди – празднично накрытый стол на семь персон.
Вокруг стола ходит Светлана.

СВЕТЛАНА. Стол, стол, стол.

Входит Анна Сергеевна с большим подносом в руках.
На подносе огромная салатница с оливье.

СВЕТЛАНА (указывая на оливье). Жрать! Оливье! Жрать!

Подбегает к Анне Сергеевне, зачерпывает салат руками и ест его.

СОРОКИНА. Уходи! Уходи!

СВЕТЛАНА (поскуливая). Жрать оливье...

СОРОКИНА. На стол – гости. (Замахивается.) На хер, спрятаться!

СВЕТЛАНА (гневно). Я спрятаться? Моя квартира – я прятаться?

СОРОКИНА. А что? Почему орать?

СВЕТЛАНА. Потому что, гости – на хер. Моя квартира, мое оливье – жрать.

СОРОКИНА. А гости? Приходить: пустой стол, идите на хуй?

СВЕТЛАНА (задумавшись). Выход?

СОРОКИНА. Оливье – на стол. С гости вместе жрать.

СВЕТЛАНА. Хорошо, ставить на стол.

Анна Сергеевна ставит оливье на стол, отходит в сторону.

СОРОКИНА. Оливье находится на стол.

СВЕТЛАНА (облизываясь). Поскорее бы гости приходите... Филипп

Романович хуй сосать.

СОРОКИНА (топает ногами). Нельзя! За мой сын замуж!

СВЕТЛАНА. Филипп Романович – красивый мужчина. Хочется сосание толстый член.

СОРОКИНА. Петя узнавать – пиздиться с Филипп Романович, тебя оскорблять.

СВЕТЛАНА. Меня оскорблять? За что?

СОРОКИНА. За сосание толстый член.

СВЕТЛАНА. Петя не такое. Интеллигентный.

СОРОКИНА. А если он пизда женщин трахать?

СВЕТЛАНА. Нет, нет! Только мой пизда – заповедь любви!

СОРОКИНА. И ты ему любовь, а не измена. Понятно?

СВЕТЛАНА (опустив голову). Да...

Анна Сергеевна подходит к ней, обнимает. Вместе садятся на диван.

СОРОКИНА. Я тоже молодая когда – глупости делать. Было время. Было дело.

СВЕТЛАНА. Как избежать? Как поумнеть?

СОРОКИНА. Время свой процесс постоянный. Каждый день – опыт и мудрость. Постепенно, что не все веселье, что ответственность.

СВЕТЛАНА. А мне хочется только веселье, только хохот.

СОРОКИНА. Если один хохот, старость – в говне. Если честность, принципиальность – старость, внучата, райский Бог.

СВЕТЛАНА. Райский Бог? Такой есть?

СОРОКИНА. Конечно. Не один ведь только пыль и углы.

СВЕТЛАНА. Хочется поскорее к Бог.

СОРОКИНА (прижимает ее к себе). Эх ты, ускоритель. Надо сначала жизнь жизнь, ипотека оплачивать, дети из пизда, работа задолбать, потом уже инфаркт и Бог.

СВЕТЛАНА. Ипотека... трудности.

СОРОКИНА. Трудности, но позитив. Каждое утро – солнце в окно, каждый перед сном – молитва. Не сдохла – это радость.

СВЕТЛАНА (настойчиво). Ипотека Москва трудно – нет радость. Петя работа задолбать, инфаркт и Бог.

СОРОКИНА (отталкивает Светлану от себя). Слабый человек, тебя москвичи – жрать, в метро – пинать. И без инфаркта – к Бог.

СВЕТЛАНА (падает на колени, ползает по полу). Что же делать? Отчаяние владеет Света.

СОРОКИНА. Вера, позитив.

СВЕТЛАНА (заворожено). Вера... позитив...

Пауза. Светлана плачет. Затем поднимается, вытирает слезы, говорит,

обращаясь в зал.

СВЕТЛАНА. Временное слабость... Но обязательно жить. Надо верить в ипотека и год семья.

Светлана уходит.

Анна Сергеевна выходит за ней.

Входит Кирилл Петрович. Держит в руках пенсию.

СОРОКИН (пересчитывая деньги). Государство за мой труд. Вот сын рост. Теперь с женой ипотека брать. Этот квартира. Годы идти, покупка у застройщиков. Полноправие хозяйство. Появление дети, хождение в школу. Зимой на горку кататься посредством лыжи. Летом с внук рыбалка. Внучка... Что с внучка? Внук – рыбалка и удочка. Внучка – раскраска.

Входит Светлана.

СОРОКИН. Света. Ум и поддержка. (Пытается ее поцеловать.)

СВЕТЛАНА (легко отталкивает свекра). Родственный контакт...

СОРОКИН. Не родственный контакт. Формализм.

СВЕТЛАНА. Внутренний запрет.

СОРОКИН. Только сосать член.

СВЕТЛАНА. Без проглот?

СОРОКИН. Без проглот. В платок спускать.

СВЕТЛАНА. Хорошо, сосать.

Светлана становится на колени, Сорокин садится и расстегивает штаны.

Входит Сорокина с очередным блюдом.

СОРОКИНА. Что делать?

СОРОКИН. Света сосать мой член.

СОРОКИНА (быстро ставит блюдо на стол). Нельзя! Света твой невестка!

СОРОКИН. Ну и что? Слово – пустота, а рот сосать приятно.

СОРОКИНА. Нельзя, говорить! (Бьет мужа по голове.) Нельзя! Света – муж

сосать, ебать. (Невестке.) Света, я тебе говорить. Что ты начинать?

СВЕТЛАНА (плачет). Простить. Память вываливаться.

СОРОКИНА. Я тебе на бумаге писать. (Пишет на бумаге: «Сосать у Петя!») Вот.

На стол ставить. (Складывает альбомный лист в треугольник и ставит на стол.)

Чтобы всегда видеть. (Супругу.) А ты кухня помогать. (Дает ему подзатыльник.)

Сорокин, опустив голову, идет на кухню.

СОРОКИНА (укоризненно). Света, Света... (Уходит.)

Светлана одна.

СВЕТЛАНА. Не специально. Моя любовь к Петя большой. Просто память ужасный.

Звонок в дверь.

СВЕТЛАНА (испугано). Свидетели Йоговы? Убийцы? Вспарывать живот, вырезать глаза. (Подходит к двери.) Кто там?

ПЕТР (за дверью). Я, жена.

СВЕТЛАНА. Не убийца, грабеж?

ПЕТР. Не убийца.

Светлана открывает дверь. Входит Петр.

ПЕТР. Пиво!

СВЕТЛАНА (обнимает его). Петя... Петя... сосать!!! (Падает на колени, начинает расстегивать мужу брюки.)

ПЕТР (отталкивает). Позднее. Я работать, потеть, член – вонь, микроб.

СВЕТЛАНА (поднимается). Хорошо, Петя. Мытый член, мытый сосать.

ПЕТР. Спасибо.

СВЕТЛАНА. Как твой день?

ПЕТР. Видеть на улице много гады. Возле метро собаки, кавказцы.

СВЕТЛАНА. Еще что быть?

ПЕТР. Работа заебать. Отчеты в Excel.

СВЕТЛАНА. Тяжелый?

ПЕТР. Охуевать. Растворимый суп. Начальник – ебло.

СВЕТЛАНА. Сочувствие. Может быть, прощение начальник-ебло?

ПЕТР. Нет. Убийство начальник-ебло.

СВЕТЛАНА. Хорошо.

ПЕТР. Ебать труп начальник-ебло, как он ебать мой позитив.

СВЕТЛАНА. Как убивать его?

ПЕТР. Арматура лежать у подъезд: подростки кошка пиздить. Утром брать с

собой, нести офис. Гимн Россия включать, чтобы крик заглушать.

СВЕТЛАНА. Осторожно убивать, чтобы не видеть другой.

ПЕТР. Конечно. Другой видеть, кричать.

Входит Анна Сергеевна. Светлана выходит.

ПЕТР (обнимает мать). Мама... любимый мама... сосать твой член...

СОРОКИНА. У мама нет член.

ПЕТР. Что у мама?

СОРОКИНА. Мама с пизда.
ПЕТР. Ебать мама в пизда?
СОРОКИНА. Нет, нельзя.
ПЕТР. Почему? Мама нет член, мама нельзя пизда. Как любить мама?
СОРОКИНА. Деньги давать.
ПЕТР. Э-э, иди на хуй.
СОРОКИНА. Тогда любить сердце.
ПЕТР. Где сердце?
СОРОКИНА (показывает на грудь). Вот.
ПЕТР (кладет руку ей на грудь). Мама любить...
СОРОКИНА (убирает его руку). Сися мама не трогать.
ПЕТР. Почему?
СОРОКИНА. Нельзя.
ПЕТР. Член нет, пизда нельзя, сися не трогать. Мама нельзя любить. Пиздить мама по башка. (Бьет мать.)
СОРОКИНА. Ой! (Падает на пол.) Убить мама.
ПЕТР (замахивается). Или пиздить или в пизду.
СОРОКИНА. В пизду.

Встает на корточки, задирает халат.
Петр спускает матери трусы, снимает брюки, вынимает член. Занимается с матерью сексом.

ПЕТР. Мама, любовь, мама...
СОРОКИНА. Петя, Петя...

Входит Светлана.

СВЕТЛАНА. Книга рецептов терять. Не видеть?
СОРОКИНА. Сзади хлебница упасть.
СВЕТЛАНА. Хорошо. (Выходит.)

Петр занимается с матерью сексом.

ПЕТР. Ох! Ох! Сейчас кончать!
СОРОКИНА. Только не в мама!
ПЕТР. Нет выбор! Нет выбор!
СОРОКИНА. Мама в рот кончать!

Быстро разворачивается, Петр кончает ей в рот.
Входит Светлана.

СВЕТЛАНА. За хлебница книга нет. Где книга?

Сорокина пожимает плечами.

СВЕТЛАНА. Где книга?

Сорокина пожимает плечами, шевелит щеками.

СВЕТЛАНА. Как будто в рот набрать!

Сорокина пожимает плечами и быстро выходит. Петр выходит за ней.

СВЕТЛАНА (вслед). Петя, стой! Петя!

Петр возвращается.

ПЕТЯ. Что? Страх убийство? Милиция, отнимать деньги?

СВЕТЛАНА. Нет. Я подумать... Ты убивать начальник, забирать тело. Месяц мясо есть.

ПЕТЯ (подходит к жене). Нехорошо так.

СВЕТЛАНА. Почему?

ПЕТЯ. У тело свой жена есть, свой ребенок. Сами хотят отец есть.

СВЕТЛАНА. Мы на них плевать. Отнимать и жрать.

ПЕТЯ. В один морозильник нет место.

СВЕТЛАНА. По соседям разносить. Говорить, хранить наш пельмени, пожалуйста.

ПЕТЯ. Они разворачивать, чтобы поджирать и «ох, бля, рука!»

СВЕТЛАНА. Мы говорить, что это говно – они не открывать.

ПЕТЯ. Да! (Целует жену.) Умный. Буду тебя ебать.

СВЕТЛАНА (прижимается к нему). Петя...

ПЕТР. Света...

Петр быстро уходит.

Светлана одна. Быстро уходит.

Светлана быстро входит. Быстро входит Анна Сергеевна.

Обе быстро выходят.

Через сцену быстро проходит Сорокин.

Через сцену быстро проходит голый Петр.

Сорокин и Сорокина быстро несут Светлану по сцене. Роняют.

СОРОКИНА. Света, есть цветной салфетки?

СВЕТЛАНА. Нет.

СОРОКИНА. А запись Штокхаузен?

СВЕТЛАНА. Нет.

СОРОКИНА. Тогда сходи за салфетки.

Сорокины оставляют Светлану и выходят.

СВЕТЛАНА (встает). Салфетки...

Звонок.

СОРОКИНА (за сценой). Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.

Входит Анна Сергеевна.

СОРОКИНА. Света, где дверь?

СВЕТЛАНА (пожимает плечами). Не знать.

Звонок.

СОРОКИНА. Это, наверное, сатана. Не открывать.

Слышно, как дверь слетает с петель.

СВЕТЛАНА. Сатана входит в дом.

СОРОКИНА. Да, входит.

Входят Проскудины.

ПРОСКУДИН (кланяется). Добрый вечер.

СВЕТЛАНА. Идите на хуй.

Проскудины выходят.

СОРОКИНА. Света, это не сатана. Это Филипп Романович и Алла Львовна.

СВЕТЛАНА. Знакомый одежда.

СОРОКИНА (громко). Филипп Романович, Алла Львовна, не на хуй! В гости!

Входят Проскудины.

ПРОСКУДИН (сбрасывает пальто на пол). Мы уже почти уходить.

ПРОСКУДИНА. Ваш квартира далекий от метро.

ПРОСКУДИН. Дорога неудобный, грязный. Аля наступать в собачий говно.

ПРОСКУДИНА. Я каблук пачкать в кал, потому что вы бедный, квартира дешевый покупать.

СВЕТЛАНА. В ипотека брать.

ПРОСКУДИНА. Тем более, бедный.

ПРОСКУДИН. Мы ждать, что вы за ним карета присылать.

ПРОСКУДИНА. Вынуждены сами ходить.

СВЕТЛАНА. Машина тогда покупать: в пробка стоять, а не здесь орать.

ПРОСКУДИН. Машина – дорого. Я в НИИ работать, Алла Львовна в консерватория сорок лет, а в говно наступать.

ПРОСКУДИНА (снимает с ноги сапог). Пусть лимита поганый моет мой сапог! (Бросает сапог.)

СВЕТЛАНА (бросает сапог обратно). Нет.

ПРОСКУДИНА. Давайте забывать о ссора. (Сбрасывает пальто на пол.)

Приятный вечер. Я подраться в метро.

СОРОКИНА. С кто?

ПРОСКУДИНА. С грязный чурка.

ПРОСКУДИН. Алла целить жопа на пустой место, а чурка садиться и нагло смотреть.

СОРОКИНА. Ударять его нож?

ПРОСКУДИНА. Нет.

СОРОКИНА. Грязный чурка надо ударять нож.

ПРОСКУДИНА. Я запоминать.

СОРОКИНА. Смотреть телевизор?

ПРОСКУДИНА. Да.

Быстро садятся в кресла. Анна Сергеевна включает телевизор и на огромной скорости переключает каналы.

ПРОСКУДИНА (мужу шепотом). Какой хороший телевизор.

ПРОСКУДИН. Зато мы – москвич, а они – не москвич.

ПРОСКУДИНА. Если они о регистрация говорить, мы разговор в сторону отводить.

ПРОСКУДИН (смеется). Они всю жизнь на квартира работать, а мы только

жрать
ПРОСКУДИНА (смотрит на телевизор). Стоп.

Анна Сергеевна останавливается на канале «О».
На экране появляется Ксения Собчак. Она смотрит прямо в кадр. Затем открывает рот и не закрывает его. Звучит «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена.

ПРОСКУДИНА (воет). Ненавижу-у! Ненавижу-у!
ПРОСКУДИН. Я бы ебал! Я бы ебал!
ПРОСКУДИНА (рвет подлокотники). Жидовская! Жидовская!
ПРОСКУДИН (кричит). Пидарррас! Пидарррас!

Сорокина переключает канал. На экране появляется Митрополит Кирилл. Он закрывает левый глаз, потом открывает его и закрывает правый.

ПРОСКУДИНА (указывает). Он – хороший.
ПРОСКУДИН. Это Бог.

Сорокина переключает канал. На экране появляется стакан с желтой жидкостью.

ПРОСКУДИНА. Тоже Бог.

Входит Кирилл Петрович.

СОРОКИН (толкает Аллу Львовну в затылок). Где подарок?
ПРОСКУДИНА (указывает на портфель мужа). Здесь.
СВЕТЛАНА. Микроволновый печь?
ПРОСКУДИНА. Нет.
СВЕТЛАНА. А что?
ПРОСКУДИНА. Дайте еда.
СВЕТЛАНА (подходит к Алле Львовне). Показать.
ПРОСКУДИНА (обходит Светлану, направляется к столу). Еда. (Ест оливье большими порциями.) Крабовый палочка жалеть. Жлоб.
СВЕТЛАНА (отталкивает ее). Отрыгивать, мразь!
ПРОСКУДИНА (злобно). Трахай жопу в рот!
СВЕТЛАНА (кричит). Петя-я! Петя-я! Петя-я!

Вбегает голый Петр. У него эрекция.

СВЕТЛАНА. Петя!.. (Видит, что он голый.) Бритый пися! Мытый пися! Сосать!

Подбегает к мужу, опускается на колени и начинает сосать его член.
Филипп Романович видит на столе бумагу с надписью «Сосать у Петя!»

ПРОСКУДИН. Сосать у Петя?

Подбегает к Петру, отталкивает Светлану, опустившись на колени, сосет его член.

ПРОСКУДИНА. Уважать женщина! Уважать гость!

Отталкивает Филиппа Романовича, опускается на колени, сосет член Петра.

СОРОКИНА (отталкивает Проскудина). Нельзя коллектив сосать у Петя! (Грозит сыну пальцем.) Петя, хуй в узелок.
ПРОСКУДИН (указывает на бумагу). Почему? Узнать ваш почерк. (Подозрительно.) Лицемерие?
СОРОКИНА. Ад вам за речь! (Берет бумагу.) Писать для Света.
ПРОСКУДИН. Ах! Я сосать у Петя!
СОРОКИН (смеется). Пидорас! Пидорас!

Филипп Романович хватает со стола нож, рассекает себе рот, выбивает глаза.

СОРОКИНА (отнимает у него нож). Это для пирожок. (Всем.) За стол! За стол!

Все садятся за стол.

СОРОКИНА. Какой новость?
ПРОСКУДИНА. Лопухова из Кунцево кончать с собой.
СОРОКИНА. Ой-ой-ой, какой грех, какой ад.
ПРОСКУДИНА. Вчера когда я читать Евтушенко, а Филипп Романович молиться, она звонить и говорить: «Алла Львовна, я в бедность, нищета, болезнь. Дать денег, Алла Львовна».
СОРОКИНА. А вы?
ПРОСКУДИНА. Я отвечать, Бог давать тебе деньги. Надо открыть окно, сесть рядом, открыть рот и ждать.
СОРОКИНА. А она?
ПРОСКУДИНА. Она говорить, что открыть окно, открыть рот, а дождь ей в пасть лить.
СОРОКИНА. Какая тварь. Не верит в Бог.
ПРОСКУДИНА. Потом слышу, говорить, что нет помощь от Бог, что она ружье заряжать и стрелять себе в рот.
СОРОКИНА. А ты?
ПРОСКУДИНА. Я говорить: «Лопухова, в ад попадать, а на концерт Мадонна

никогда, если так делать».

СОРОКИНА. А она?

ПРОСКУДИНА. Она говорит: «В ад будет концерт Мадонны. В ад смотреть». И стрелять.

ПРОСКУДИН. Я в этот момент молиться и вдруг видеть, как земля трещина и черный вихрь пожирать душа Лопухова.

ПЕТР. А ко мне на улица подходить подросток и говорить: «Что делать, если мир жестокость есть? Если мир походить на кошмар? Если сердце разрываться от боль?»

СОРОКИНА. А ты?

ПЕТР. А я говорить: «Надо орать и работать! Надо орать и работать! Тогда сердце лопать и терять сознание! Нет сознание, нет боль».

СОРОКИНА. Петя как Будда: все по хуй.

ПРОСКУДИНА. Надоело пиздеть, хочется жрать.

Сорокина быстро выходит и вносит блюдо с пирогами.

СОРОКИНА. Угощение!

Все начинают есть пироги прямо с подноса.

ПРОСКУДИНА. Ура! Есть, желудок, кишка, срать, жить.

СОРОКИНА (с упреком). Жить за наш счет.

СВЕТЛАНА. Где подарок?

ПРОСКУДИН (трясущимися руками вынимает из портфеля кота). Вот. На улица находить.

ПРОСКУДИНА (берет кота, передает его хозяевам). Это.

СОРОКИНА. Спасибо. Что такое? В IKEA покупать?

ПРОСКУДИНА. Нет, по земля бегать, под куст срать, мы ловить. Думать, вам подарок.

СОРОКИНА. Подарок за деньги покупать, а не ловить.

ПРОСКУДИНА. Жалость деньги. Ну вас на хер.

СОРОКИНА. Алла Львовна, тогда регистрация нам в Москва делать.

ПРОСКУДИНА (смотрит вверх). Какой интересный цвет у потолок.

СОРОКИНА. Гнида московский.

СВЕТЛАНА. А для чего этот? (Берет кота.) Как это делать? (Трясет кота.) Вот так? Вот так?

ПРОСКУДИНА (берет кота в руки). Не знать. Вот здесь (показывает на рот кота) звук-дырка, вот здесь (показывает на зад кота) говно-дырка.

ПЕТР. Дырка? Дырка – ебать?

ПРОСКУДИНА. Если говно-дырка палец, то звук-дырка – крик.

ПЕТР. Как Света.

ПРОСКУДИНА (смотрит на кота). Света?

СВЕТЛАНА (берет кота). Я?

ПЕТР. Два Света? Два ебать? Какой первый?

СВЕТЛАНА (передает кота). Вот этот, новый.

ПЕТР (вынимает член из брюк). Сейчас попробовать.

Засовывает коту член в зад. Кот кричит, царапается и вырывается.

Окровоавленный Петр мечется по сцене.

ПЕТР. Сука! Сука новый Света!! (Бьет Светлану по лицу.) Ты, сука!!

СВЕТЛАНА. Прости, прости, прости, прости, прости, Петя!

ПЕТР (резко успокаивается). Все простил Света. (Садится.)

СОРОКИНА. Петя добрый существо.

ПРОСКУДИНА. Мне нравится доброта. Я люблю красивый люди и церковь.

СОРОКИНА. А я люблю, когда красивый люди заходить в церковь. И выходить из церковь.

ПРОСКУДИНА. Мне нравится, когда красивый пара сидеть на диване.

СОРОКИНА. Мне нравится, когда красивый пара сидеть на диване после церковь.

ПЕТР. А я ненавиждать Бог.

СОРОКИНА. Как, Петя? Бог ты все делать.

ПЕТР. Бог ни хера не делать.

СОРОКИНА. Бог тебе жизнь, мать, другие предметы.

ПЕТР. Бог ипотека не давать.

СОРОКИНА. Ну и что? Он может вообще в ад.

ПЕТР. Не хочу я Бог.

СОРОКИНА. А как жить?

ПЕТР. Без Бог жить.

ПРОСКУДИНА. Без Бог – ад и тьма.

ПЕТР. Не верю. Без Бог – хорошо.

СОРОКИНА. Ад и тьма без Бог.

ПЕТР. Без Бог – что хочешь делай.

СВЕТЛАНА. Лучше вера. Надежно, как на гвоздь.

ПЕТР. Не хочу, не хочу. Меня ипотека мучить. Какой Бог?

ПРОСКУДИН. Тем более, Бог. Когда мучить – все к Бог.

ПЕТР. Временный легче.

ПРОСКУДИН. Малый вера, надо больше.

ПЕТР. Задолбать ипотека! Задолбать кредит! На хер Бог!

СОРОКИНА. Бог не на хер. Ты – на хер.

ПЕТР. Весь вселенная – ад. Ипотека – ад.

СОРОКИНА. Ад – это другие!

ПЕТР. Все задолбать: ипотека, кредит, процент.

СОРОКИНА. Вера, вера, вера.

ПЕТР. Лучше смерть и кремация. Повсюду враг.

ПРОСКУДИН. Молиться, тогда Бог сесть твой враг.

ПЕТР. Бог сесть любовь.

СОРОКИНА. Бог рыгать любовь.

СОРОКИН. Бог творить ипотека, ебанутый Россия, гандонский народ.

СОРОКИН (гневно). Кто так говорить на страна, тому Бог – удар в мозг.

ПЕТР. Я его хуем в рот.

СОРОКИНА. Нельзя! Это Бог! Не в рот, а в рай!

ПРОСКУДИНА (с упреком). Надя – светлый человек. Ей Бог – тело, еда, одежда. А ты худенький гнида.

ПЕТР (иронично). Посмотреть какой Бог без ипотека.

ПРОСКУДИНА. Надя и без ипотека лизать Бог.

ПЕТР. Посмотрим, когда без дом, гноющийся глаза и одиночество.

СОРОКИНА. Никогда с Надя. Тот, кто в ад, тот одиночество и глаза, а тот, кто с Бог, тот толстый и с деньги.

ПЕТР. Я в одиночество, хоть и молитва, но нет Бог, нет его голос. И смерть нет.

СОРОКИНА (обнимает сына). Мы с любовь, ты с любовь. Вместе – ипотека.

ПЕТР. Для причина?

СОРОКИНА. Дети.

ПЕТР. Комок материя.

СОРОКИНА. Живое человек. Душа от Бог. Чтобы жизнь и ипотека.

ПЕТР. А смысловое?

СОРОКИНА. Ипотека.

ПЕТР. Ипотека – смысловое?

СОРОКИНА. Ипотека – есть Бог.

СОРОКИН. Бог – есть ипотека.

СВЕТЛАНА. Тот, кто стремление к ипотека, тот стремление к Бог.

ПЕТР (вырывается). Нет! Нет!! Нет!!! Проклятие на Бог!!!!!!

Хватает нож, выбегает из-за стола.

ПЕТР. Вся сила ада – проклятие на Бог!!!

Все поднимаются.

ПЕТР. Пусть неба дребезг осколка низвержат!

СВЕТЛАНА. Петя, ишак! Опоминаться!

ПЕТР. Нет, поздний!

СОРОКИНА. Петя!..

Гремит гром. Выбрав небольшую паузу, Кирилл Петрович произносит:

ПРОСКУДИН. Дать соль.

Все смолкает.

ПРОСКУДИН (шарит рукой по столу). Дать соль.

Петр садится за стол.

ПРОСКУДИН. Дать, пожалуйста, соль. Я обижаться, но не плакать – нет глазки.

СВЕТЛАНА. Вот глазки. (Вставляет ему в глазницы редис.)

ПРОСКУДИН. Где? (Вынимает редис, пробует.) Редиска... а не глазки...

Пауза.

ПРОСКУДИН. Соль, соль, иди, иди...

Светлана привязывает к солонке нитку, протягивает Филиппу Романовичу.

СВЕТЛАНА. Соль.

ПРОСКУДИН. Спасибо.

СВЕТЛАНА. Оп! (Дергает за веревку, солонка вылетает из рук Филиппа Романовича.)

ПРОСКУДИН (шарит рукой по столу). Прыг-прыг. (Находит солонку.)

СВЕТЛАНА (дергает за веревку, солонка выпрыгивает). Оп!

ПРОСКУДИН (шарит рукой по столу). Прыг-прыг... (Находит солонку.)

СВЕТЛАНА (дергает за веревку, солонка выпрыгивает). Оп!

ПРОСКУДИН (шарит рукой по столу). Прыг-прыг. (Находит солонку.)

СВЕТЛАНА (дергает за веревку, она обрывается). Оп...

ПРОСКУДИН (прижимает солонку к груди). Соль... (Шарит другой рукой по столу.) Огурец...

Петр ворует огурец.

ПРОСКУДИН. Кто-нибудь видеть огурец?

СВЕТЛАНА. Я видеть – у меня есть глазки!

Все смеются.

ПРОСКУДИН. Где огурец?

Светлана встает, вынимает из шкафа подсвечник, дает Филиппу Романовичу.

СВЕТЛАНА. Вот, отец, огурец.

Светлана идет к шкафу, достает дурацкий колпак.

Филипп Романович солит подсвечник, кусает. Его зубы разлетаются.

ПРОСКУДИН (сидит с окровавленным ртом). Не огурец...

Светлана надевает ему на голову дурацкий колпак.

СВЕТЛАНА. Оп!

Светлана хватает Филиппа Романовича за волосы и трясет.

СВЕТЛАНА. Хуйня! Хуйня!

ВСЕ. Хуйня! Хуйня!

СОРОКИНА. Могу нести аппликатор Кузнецов.

СВЕТЛАНА. Зачем?

СОРОКИНА. На лицо класть, давить. Шипы в кожа.

СВЕТЛАНА. Лучше мой подарок вам – аппликатор Ляпко, валик.

СОРОКИНА. Да, хорошо: валик давить лицо.

Светлана вынимает аппликатор Ляпко и начинает водить им по лицу (маске) Филиппа Романовича. Разрывает его лицо (маску). Она, развалившись на клочки, падает. Открывается лицо.

СВЕТЛАНА (указывая на Проскудина). Не-ет! Не-ет! Не-ет!

СОРОКИНА. Закрывать! Закрывать! (Закрывает лицо Проскудина руками, но тут же отдергивает их.) А-ах! (Ее ладони словно обожжены кислотой.) О, страшный ебало!

Кирилл Петровича разворачивает Филиппа Романовича спиной к зрителям.

СОРОКИН. Все, к лесу зад.

Все смеются.

ПРОСКУДИНА (кричит в отчаянии). Вы муж убить! Где я деньги брать?! Кто в пизду ебать?!

Все умолкают.

ПРОСКУДИНА. Что я теперь делать?!!

Все молчат.

Входит Иван.

ИВАН. Пиво! Всех ебать!

СОРОКИНА. Ваня!

Иван подходит к Светлане и целует ее в губы.

СВЕТЛАНА. Ванька!

СОРОКИНА. Ваня, нельзя Света в губы целовать. Хорошо, что Петя не видит.

ПЕТР (закрывает глаза руками). Я не видеть.

СОРОКИНА. Хорошо, что Петя не видеть.

ПЕТР. Я не видеть.

ПРОСКУДИНА (ползает). Что я теперь делать?!!

ИВАН (Алле Львовне). Закрывать дыра!!

ПРОСКУДИНА. Кто давать деньги?!!

ИВАН (бьет ее по лицу). Закрывать!!

ПРОСКУДИНА (падает к его ногам). Жестокий мальчик.

ИВАН (подходит к Сорокиной). Давать деньги, шалава.

СОРОКИНА. Нет деньги, Ванечка. Зачем деньги?

ИВАН. iphone покупать.

СОРОКИНА. Нет деньги.

ИВАН. Тогда вспаривать живот.

СОРОКИНА. Нельзя. Бог...

ИВАН (протягивает руку). Давать деньги.

СОРОКИН (встает). Я отец...

ИВАН. Ты – на хуй.

ПЕТР (бьет рукой по столу). Скрываться и молчать!

Иван медленно разворачивается, подходит к брату и пристально на него смотрит.

Затем начинает рычать.

Из-под века Петра течет кровь. Он сидит неподвижно.

Иван обводит всех взглядом.

ИВАН (указывая на Филиппа Романовича). Что за атомы?

СОРОКИН. Пидорас.

ИВАН. Почему?

СОРОКИН. Петя член сосать.

ИВАН. Я тоже сосать Петя член. Я пидорас?

СОРОКИН (теряется). Нет, ты нет.

ИВАН. Почему? Аристотель, силлогизм: если смерть Иван, то все люди Иван.

СОРОКИН. Нет, ты нет.

ИВАН. Ты говорить, что я пидорас.

СОРОКИН. Нет, ты Бог.

ИВАН. А я говорить, что ты пидорас.

СОРОКИН. Я? Почему я?

ИВАН. Я брать этот слово и на тебя бросать!

СОРОКИНА (встает, указывает на Сорокина). Рвать его на кусок!!

ИВАН (указывает на мать). Я брать слово «Бог» и бросать на тебя! (Кричит.) Ты Бог!

СОРОКИН (встает, указывает на жену). Рвать ее на кусок!! Она Бог!!

Проскудна поднимается с пола.

ПРОСКУДИНА (протягивает Ивану деньги). Жестокий мальчик, вот деньги для iphone.

Пауза.

ИВАН. Спасибо... будешь сосать? (Трясет ее, рвет платье). Ты сосать, я снимать iphone, выкладывать youtube.

ПРОСКУДИНА. Хорошо, где iphone?

ИВАН. Сейчас, сейчас. (Ходит по сцене.) Деньги. Деньги вот. (Подходит к Петру.) Деньги вот, давай iphone.

ПЕТР. Где я брать?

ИВАН. Вот деньги, давать iphone.

ПЕТР. Не иметь.

ИВАН (подходит к Светлане). Деньги. Отдавать iphone.

СВЕТЛАНА. Нет, не знать.

ИВАН. Где-то лежать iphone. Ты давать мне, иначе рвать лицо.

СВЕТЛАНА (пожимает плечами). Не знать...

ИВАН (поочередно обращается ко всем). Ты давать мне iphone... (Стоит, оглядываясь.) Кто давать мне? (Протягивает вперед руки, сгребает ими воздух.)

СВЕТЛАНА (в отчаянии). Ваня, лучше ехать Египет!

ИВАН (оборачивается). Египет?

СВЕТЛАНА. Египет как iphone.

ИВАН (сгребает руками воздух). Египет давать мне. (Смотрит перед собой.)

Где? Нет? (Остервенело.) Обмануть? Обмануть меня мир? Нет iphone, нет

Египет. Ебать такой мир. Не для человек такой мир.

СОРОКИНА (обнимает сына). Не плакать, мой сынок. Мы искать твой...

(Светлане.) Открыть шкаф.

Светлана открывает шкаф.

СОРОКИНА. Посмотреть, что есть там.

СВЕТЛАНА (вынимает свитер). Это.

ИВАН (взглянув). Что?

СВЕТЛАНА. Это iphone?

ИВАН. Не знать.

ПЕТР (воскликает). Да, я видеть! Это такой!

Иван берет свитер у Светланы и улыбается.

ИВАН. Мой. (Садится на свитер.) Теперь мой. (Пауза.) А Египет?

СВЕТЛАНА (поочередно открывает все ящики). Египет, Египет...

Светлана открывает один из верхних ящиков – из него вываливается белая каша.

СВЕТЛАНА. Анна Сергевна, Господи! Что тут такое?

СОРОКИНА (подбегает). Свет, это крупа...

СВЕТЛАНА. Какая крупа?

СОРОКИНА. Машевая.

СВЕТЛАНА. А почему в шкафу и вареная?

СОРОКИНА. Забыла переложить... Как разбухла-то...

ИВАН. Ни фиги не крупа... (Идет к шкафу.)

СВЕТЛАНА. Анна Сергевна, наверное, не надо в новую мебель класть.

СОРОКИНА. Света, извини. Ваня, посмотри, что там...

СВЕТЛАНА. Алла Львовна, вы не поможете?

ПРОСКУДИНА (поднимается). Конечно. Надо тазик или ведро подставить.

СОРОКИНА. Я сейчас сама... (Идет на кухню.)

ИВАН (заглядывая в шкаф). Там отверстие в стене... круглое... мягкое...

ПРОСКУДИН. Как это?

ИВАН. Сжимается и разжимается.

Пауза.

СОРОКИН (смеется). Отлично! Только кашу не выбрасывайте, а пустите в дело.

СВЕТЛАНА. Смейтесь, смейтесь, Кирилл Петрович. Новый гарнитур...

СОРОКИНА (возвращается с тазом). Сейчас мы быстро... (Подставляет таз под кашу.)

ПЕТР (идет к шкафу). Откуда она там?

СОРОКИНА. Надо будет сантехника позвать. Света, вызови, пожалуйста.

Светлана идет к телефону, набирает номер.

Женщины собирают кашу в таз.

СОРОКИНА. Хотя, я их знаю: скажут, что мы сами виноваты – они всегда так говорят. (Тише.) Еще крестовую отвертку у меня хотел спереть.

СВЕТЛАНА. Кто это виноват? Мы? Квартира новая – мы только въехали.

(Говорит в трубку.) Алло!.. Алло! Да, здравствуйте...

ПРОСКУДИНА. Их это не волнует: новая, старая... (Кашляет.)

СВЕТЛАНА. Что, горло?

ПРОСКУДИНА. Да вроде ничего.

СОРОКИН. Ничего хорошего? (Смеется.)

ПРОСКУДИНА. Чай с лимончиком попою.

СОРОКИНА. Вот, все так думают. Если это грипп на ранней стадии, то лимон нельзя.

ПРОСКУДИНА. Почему?

СОРОКИНА. Он проталкивает болезнь вовнутрь.

ПРОСКУДИНА. Да? Не знала.

СОРОКИНА. С утра давление у самой...

ПРОСКУДИНА. Если давление пониженное, нужен не корвалол, а кордамон.

СОРОКИНА. Я для суставов беру барсучий жир.

ПРОСКУДИНА. Хочу на следующий год в Цюрипу съездить...

СВЕТЛАНА (идет к столу). Вызвала. Придет, сказали.

КОЧЕРГИНА. Нахамили?

СОРОКИНА. А как без этого?

ПРОСКУДИН. Можно соль?

СВЕТЛАНА. Да, конечно. (Подает солонку.) Вань, там получается и в обоях дыра?

ИВАН (разглядывает). Ну да...

ПЕТР. Если в стене дыра, то и в обоях.

СВЕТЛАНА. Проблема какая... Петь, а если шкаф передвигать будем?

ПРОСКУДИНА. Залатаете.

ПЕТР. Такой рисунок надо будет подобрать.

ПРОСКУДИНА. Съездите на Савеловский.

СВЕТЛАНА. Еще в коридоре там облили шампанским...

СОРОКИНА. Там за вешалкой и не видно почти...

СОРОКИН. Не волнуйтесь вы: сдерем их, будем на даче гранат закрывать.

СОРОКИНА. Старыми не получится.

СОРОКИН. Не получится: обрезки пустим.

ПРОСКУДИН (тихо). Пожалуйста, дайте еще раз солонку – я потерял...

СВЕТЛАНА. Да, конечно. (Подает солонку.)

ПРОСКУДИНА. А как у вас дача?

СОРОКИН. Думаю летом заняться. Надо белорыбицу в пруд запустить. Она ряску хорошо съедает. Вот только квартиру до ума доведем. (Поднимает руку, указывает под потолок). Там вагонку пустим...

СОРОКИНА. Когда уже распылители поставим?

ПРОСКУДИНА. Если нужен газ в баллонах – Филипп Романович может достать. Там рядом с Кольчугино, но только у них самовывоз.

СОРОКИН. О! Это хорошо! Нам нужно.

СОРОКИНА. Как же мы повезем?

ПРОСКУДИН. Они с заднего крыльца торгуют – поэтому и дешевле.

СОРОКИН (Проскудину). Пойдем, Филипп, покурим, все и расскажешь.

Берет Филиппа Романович под руку и ведет на балкон.

СОРОКИНА. А в Кольчугино алкоголика на вечном огне сожгли...

ПРОСКУДИНА. Там постоянные конфликты.

СОРОКИНА. Ну, надеюсь, наши мужчины займутся баллонами. Да, Вань? (Треплет сына по голове.) Ой, какие у тебя волосы – просто камень.

ИВАН. Не трогай, мам...

СОРОКИНА. Это гелем, что ли?

ПРОСКУДИНА. Сейчас мальчики такие модные стали, как девочки.

ИВАН (поправляет волосы). Гелем, гелем...

СОРОКИНА. Как же ты их потом расчешешь?

ИВАН. Мам, отстань...

СОРОКИНА. Чего отстань? Ты себе волосы испортишь и облысеешь к тридцати годам, как твой дедушка. Света вон тоже один раз прическу залакировала – что потом было, помнишь?

СВЕТЛАНА. Волосы как сосульки были – еле расчесала.

ИВАН. Мама, все будет нормально, успокойся.

СОРОКИНА. Ты сходи, подстригись нормально, а то все торчком. Сходи к дяде Сереже.

ИВАН. Он не умеет.

СОРОКИНА. Чего не умеет?

ИВАН. Модельные стрижки, он только обкорнает.

СОРОКИНА. Почему? Он стрижет, знаешь, директора Трехгорной мануфактуры.

СВЕТЛАНА. Не директора, а Аню, которая с Метрафильмс. Они там расположены.

СОРОКИНА. Ну и что? Он папу хорошо подстриг. Затылок аккуратно очень.

ИВАН. Он умеет стричь только беспяфосных овец.

СОРОКИНА. Что же папа, получается, овца?

ПРОСКУДИНА. Сейчас мальчики такие модные стали.

СОРОКИНА (скептически). Модные. Не знаю... Я и Ване уже говорила, что нехорошо, когда резинка от трусов торчит наружу. Вон у Пети ничего не торчит.

ИВАН. Петя – офисный планктон.

ПЕТР. Ни хрена себе. Извините...

ПРОСКУДИНА. Зато какой Ваня накачанный.

СОРОКИНА. Знали бы вы, сколько он ест.

СВЕТЛАНА. Ваня, ты же какую-то питательную смесь пьешь?

ИВАН. Да, в миксере делаю.

СОРОКИНА. Ваня этим летом накачался и полетел в Турцию. Загорал там. Олл

инклюзив. (Смеется.) Я правильно сказала? Олл инклюзив?

ИВАН. Прально...

Каша прекращает течь из отверстия. Теперь из него звучит струнный квартет Моцарта.

СОРОКИНА. Ой, какая музыка приятная. Вань, посмотри что там?

ПЕТР. Я взгляну, может быть это из подъезда. (Выходит.)

ПРОСКУДИНА. А мне так нравятся вальсы. Какой у вас чай вкусный.

СОРОКИНА. С ароматом земляники и сливочной карамели.

ПРОСКУДИНА. А я ройбуш люблю.

СОРОКИНА. Да, ройбуш – хороший чай.

СВЕТЛАНА. Хорошо пить чай.

СОРОКИНА. Ваня, посмотрел, что там играет?

ИВАН. Ничего непонятно...

СОРОКИНА. Жалко, а то все-таки интересно. Может быть, это недостаток квартиры? Может, поменять пока не поздно?

СВЕТЛАНА. Анна Сергеевна, прекратите.

ИВАН. Ничего не видно...

СОРОКИНА. Ну иди тогда обратно. (Сыну.) Вань, что у тебя там с зубом было?

ИВАН. Чего?

СОРОКИНА. Болел у тебя зуб. Пока Алла Львовна здесь – покажи ей, чтобы она посмотрела.

ИВАН. Сейчас. Вот. А-а! (Открывает рот.)

ПРОСКУДИНА. Света бы побольше... (Разворачивает Ивана.) Вот сюда, вот так... (Берет ложку, оттягивает ему щеку.) Ну-ка... посмотрим зубик...

СОРОКИНА (невестке). Свет, а что там за подушка у нас на диване. Это не от Скворцовых? Люба тогда приходила.

СВЕТЛАНА. Не знаю... она с подушкой приходила?

СОРОКИНА. А я уже и не помню.

СВЕТЛАНА. Не знаю... может, и не наша.

СОРОКИНА. Окантовка другая и мохры висят.

СВЕТЛАНА. Позвони, спроси.

СОРОКИНА (смотрит на балконную дверь). Куда-то Петя пропал...

ПРОСКУДИНА (глядя в рот). Шестерку удалять надо... Сгнил весь... Нерв есть?

ИВАН. Не-а.

ПРОСКУДИНА. Хотя, какой там нерв... Боюсь, киста. Нет, не спасти. Раньше надо было обратиться... Теперь что? Теперь или имплантат или два соседних под обточку и мост на них. Еще тут вот, симметрично, раскалывается.

Депульпация и пломба.

СОРОКИНА. Ой-ой-ой...

ПРОСКУДИНА. Рентген пусть завтра снимет.

СВЕТЛАНА. В Москве так это все дорого!

СОРОКИНА. Вот мне сейчас за ортопедию надо тридцать тысяч и сто двадцать восемь рублей отдать. Такие цены. Ужас.

ПРОСКУДИНА. Такая жизнь, что тут говорить?

СВЕТЛАНА. В Москве такая жизнь.

Входит Петр.

ПЕТР (говорит с отвращением). Mam, там просто кусками лежит, по всей лестничной площадке. Я кое-что в пакет собрал.

СОРОКИНА. А что там?

ПЕТР (раздраженно). Выйди и посмотри.

ИВАН (выбегает). Я позырю...

СВЕТЛАНА (идет за ним). Что же там?

ИВАН (вбегает). Фу! Не смотрите!

ПРОСКУДИНА. Что такое?

ИВАН. Как... как ... человек... (Выходит.)

ПЕТР. Уже не человек. (Выходит.)

СОРОКИНА. Что, опять?

ПРОСКУДИНА. А уже было?

СВЕТЛАНА. Да, как только въехали: в первый день вся лестница...

СОРОКИНА. Света, может еще есть время поменять...?

СВЕТЛАНА. Ой, прекратите, прошу вас. Нормальная квартира. За такую цену...

СОРОКИНА. Ну ты же видишь, что за жилплощадь...

ПРОСКУДИНА. Ничего страшного: у нас с Филиппом Романовичем и так кафель на кухне не держится.

СОРОКИНА. А что такое?

ПРОСКУДИНА. Не знаю, все время какие-то знаки проступают, а если потрогаешь – жгутся.

СОРОКИНА. А как у нас, Света, кафель?

СВЕТЛАНА. Висит пока.

СОРОКИНА. Ой, не знаю, как здесь будем: дырка в стене, на лестнице гадят.

ПРОСКУДИНА. Это таджики или узбеки. Это они гадят.

СОРОКИНА. Да?

ПРОСКУДИНА. Они у нас весь подъезд обгадили.

СОРОКИНА. А почему они по подъездам ходят? Они же на стройке сидят.

ПРОСКУДИНА. Это люди нормальные сидят, а они же как животные. Или вот так под дверь разбрасают.

СОРОКИНА. Кошмар.

ПРОСКУДИНА. В милицию позвоните.

СОРОКИНА. Что звонить – им все безразлично!

ПЕТР (проходит). Свет, там помыть бы, а то натекло...

СВЕТЛАНА. Хорошо. Сейчас на кухне тряпку возьму. (Выходит.)

Анна Сергеевна и Алла Львовна одни.

СОРОКИНА (обессилено садится). Не знаю, как мы тут жить будем.

ПРОСКУДИНА. Ты, главное, перед детьми-то особенно не грусти: они люди взрослые – сами понять должны.

СОРОКИНА. Так ведь не понимают...

ПРОСКУДИНА. Поймут. Мы вот когда с Филиппом Романовичем только вселились, у меня в первую же ночь игоша на груди сел. (Шепотом.) Я тогда аборт только сделала, а плод, значит, у меня на груди сидит, упрекает. Скользкий, глаза прозрачные. Противно было, а время советское – рассказать некому. Сгоняю его, а он все равно приходит и говорит, что уйдет, когда я от квартиры откажусь. Молюсь Богу, а все равно приходит. Еще тогда у Васи начался некроз тазобедренной кости: он был в возрасте, когда мальчишки заболевают. Сделали ему операцию, вставили пластину. Так он до сих пор и хромает. А игоша каждую ночь приходил, говорил, что вот вы меня всего отняли, а я у мальчика сначала отниму ножку, потом ручку, а потом всего возьму. Вот так. Тогда мне женщины-сотрудницы посоветовали ему комочки хлеба класть возле порога и мясорубку разобранной оставлять. Я стала так делать и он ушел. А Вася до сих пор хромает.

СОРОКИНА. Сколько бед с этой жилплощадью, сколько бед! Мы тоже с Кириллом намучались. Приехали мы тогда из Ярославля, квартиру получили в Алтуфьево и все вроде в порядке. Только заболела я сильно: на спине лицо начало расти. Я по всем докторам ходила – не знала, что делать. Гоняли по госпиталям, гоняли. На работе – в бюро я тогда была – на меня ворчали, потому что больничный продлевала все время. На спине лежать невозможно – болеть начинает и бормочет. Хирург говорит, вырезать придется. Только опасность задеть спиной мозг. Что делать? Что делать? Я даже в церковь ходила тайно, а священник меня прогнал. Ты, сатана, говорит. Тогда Кирилл стал каждый вечер это лицо йодом мазать. Просто йодом. Все мазал, вплоть до глаз. Оно кричало иногда, чтобы мы шли из квартиры. А потом с каждым днем все меньше становилось, затягивалось и... совсем втянулось. Там еще месяц-два кожа была сухая, а потом все нормально стало.

ПРОСКУДИНА. Что и говорить, жилплощадь – огромная проблема. У нас еще дача – газон такой аккуратный, все аккуратно Филипп Романович сделал, а у соседей – бардак. Так их собаки повадились на наш газон гадить. Пришлось его перцем посыпать, а это бесполезно для травы.

Входит Светлана и Иван, вытирают пот со лба.

СОРОКИНА. Ну что, Света, убрали?

ИВАН. Убрали.

СВЕТЛАНА. Утром уберешь, вечером снова навалят.

СОРОКИНА. А Петя где?

ИВАН. Он по другим площадкам пошел посмотреть.

СВЕТЛАНА. Все настроение испортили...

ПРОСКУДИНА. Не берите в голову. Послушайте, какая у вас красивая музыка играет.

СВЕТЛАНА. Да уж...

Пауза. Все слушают музыку.

СОРОКИНА. Красивая...

ИВАН (входя). Прикольная.

С балкона доносится крик.

Иван бросается к двери и распахивает ее. В комнату вваливается Филипп Романович, у него расцарапано лицо. Слышно хлопанье огромных крыльев.

ПРОСКУДИН. Ворона унесла Кирилла Петровича!

СОРОКИНА. Нет! (Бежит на балкон.)

СВЕТА. Петя! Ваня, позови брата!

Во время последующей сцены Филипп Романович медленно, выставив вперед руки и что-то бормоча, направляется на авансцену.

СВЕТЛАНА (с ужасом глядит в открытую дверь). Ворона...

СОРОКИНА. Я же говорила ему не выходить на балкон!

ИВАН. Она бросила папу!

СОРОКИНА. Боже! Я не вижу, куда он упал!

СВЕТЛАНА. Ваня, осторожней! (Захлопывает дверь.)

ИВАН. Блядь, еще одна!!

Удары птичьего клюва о дверь.

Вбегает Петр.

СОРОКИНА. Света, Петя, навалимся!

ПЕТР. Навалимся!

ПРОСКУДИНА. Я вызову!

СВЕТЛАНА. Вызывайте!

ПРОСКУДИНА (подходит к телефону, но не берет трубку). Нет, оттуда что-нибудь потечет. (Вынимает сотовый телефон.) Лучше со своего.

СОРОКИНА. Света, может быть, лучше переехать? Посмотри, как тут неудобно.

СВЕТЛАНА. Решение принято!

ПЕТР. Мама, не сейчас!

ПРОСКУДИНА. Алло! Алло!

Разбивается стекло, клюв выгибает жалюзи.

ПРОСКУДИНА. Алло! У нас беда! Беда!

Ее нога проваливается в дыру.

ПРОСКУДИНА. Ай! У вас в полу дыра!!

СОРОКИНА. Осторожней, клюв!

ПРОСКУДИНА. У вас дыра!

СВЕТЛАНА. Что же вы с каблуками по паркету!

ПРОСКУДИНА. Там кто-то отъедает мою ногу!!

ПЕТР (отбивается от клюва). Мама, береги голову!

ПРОСКУДИНА. Бля-я-ядь! Еба-а-ать!!!

Бьется, как в агонии, из-под ее бедра течет кровь.

Клюв ударяет Сорокину по голове.

СОРОКИНА. Пульк! (Оседает на пол.)

ПЕТР и ИВАН. Мама!

Хлопанье крыльев, птица улетает.

ПРОСКУДИНА (царапает пол). Еба-а-а...

Светлана подбегает к ней и держит руки.

СВЕТЛАНА. Все, все. Все кончилось. Сдерживайте себя...

ПРОСКУДИНА. Плохая квартира...

Светлана дает ей пощечину.

Филипп Романович падает с авансцены в зрительный зал.

Резкое затемнение.

Воздушная тревога. Звуки падающих бомб.

Когда невидимые самолеты улетают, сцена медленно освещается.

Квартира Сорокиных разгромлена: окна без стекол закрыты фанерными досками, кое-где – матрасами, клеенкой и старыми афишами с БГ. В углу разбитый плазменный телевизор.

Слева возле двери на кухню, замотанный в лохмотья, лежит Иван. Справа, возле двери в коридор, также в лохмотьях, Анна Сергеевна и Светлана.

Светлана, не моргая, листает глянцевого журнала. Она кладет журнал на пол, встает и идет на кухню.

СОРОКИНА. Света... Свет.

СВЕТЛАНА (останавливается). Что?

Анна Сергеевна молчит.

Светлана идет дальше.

СОРОКИНА. Света-а...

СВЕТЛАНА (останавливается). Что?

СОРОКИНА. Посмотри там Ваню...

СВЕТЛАНА. Что?

СОРОКИНА. Не умер?

Светлана идет через комнату к двери на кухню. Останавливается возле двери и слабо толкает Ивана, тот не шевелится.

СВЕТЛАНА. Умер.

СОРОКИНА. Точно?

СВЕТЛАНА. Не знаю.

СОРОКИНА. Может, спит?

СВЕТЛАНА. Не знаю. (Входит на кухню.)

Пауза.

СОРОКИНА. Ваня-а... Ва-ань...

Пауза.

СОРОКИНА. Ваня, ты не умер?

Пауза.

Анна Сергеевна толкает консервную банку, та катится к Ивану.

СОРОКИНА. Ваня, проснись, я тебе дам поесть...

Возвращается с кухни Светлана, идет на прежнее место.

СОРОКИНА. Света, баночку захвати...

СВЕТЛАНА (останавливается). Какую?

СОРОКИНА (указывает). Во-он...

Светлана смотрит на банку, которая лежит в метре от нее.

СОРОКИНА. Далеко лежит.

Идет к своему месту, садится.

СОРОКИНА. Как там на кухне?

СВЕТЛАНА. Ничего.

Пауза.

СОРОКИНА. Света, а Ваня точно умер?

СВЕТЛАНА. Не знаю. Разговариваем много – есть захочется.

Молчат.

Иван шевелит рукой.

СОРОКИНА. Рукой двинул... Света, ты видела?

СВЕТЛАНА (насупившись). Нет. Закройте рот.

Иван переворачивается на другой бок.

СОРОКИНА (с облегчением). Живой.

Пауза.

СВЕТЛАНА. Люба тоже думала, что ее мама дышит.

Пауза.

СВЕТЛАНА. А это черви ели мамину грудь и колыхали.

Пауза.

СОРОКИНА. Ты думаешь, его черви повернули?

СВЕТЛАНА. Много разговариваем.

Входит Петр, в его руках сосулька. Он медленно идет по комнате.

СВЕТЛАНА. Кто это?

СОРОКИНА. Это Петя.

СВЕТЛАНА (громко). Кто это?

СОРОКИНА (Светлана). Петя! Петя!

Петр останавливается, оглядывается. Замечает женщин.

ПЕТР (показывает им сосульку). Сорвал.

СВЕТЛАНА. Чтоб ты сдох.

Петр садится на пол, подбирает консервную банку и кладет туда сосульку.

СВЕТЛАНА. Проклинаю тебя.

СОРОКИНА (берет ее за руку). Не надо...

СВЕТЛАНА (дергает плечом). Рука гниет.

Петр гремит сосулькой в банке.

СВЕТЛАНА (вскрикивает). Ебанная Москва!

Иван снова переворачивается.

СОРОКИНА. Смотри, как крутится.

Пауза.

СВЕТЛАНА. А Петуховы своих едят.

СОРОКИНА. Кого?

СВЕТЛАНА. Своих, которые хиреют.

СОРОКИНА. Да не может быть. Кого же они съели?

СВЕТЛАНА. Наташку.

СОРОКИНА. Наташку они к стенке прислонили и ее труповозка забрала.

СВЕТЛАНА. Ничего они не прислонили. Они ее съели.

СОРОКИНА. Не говори глупости.

СВЕТЛАНА. И еще они квартиры метят.

СОРОКИНА. Какие?

СВЕТЛАНА. Свои. Им соседи оставляют. Они за ними присматривают, а те на них пишут квартиры.

СОРОКИНА. Да кому они сейчас нужны?

СВЕТЛАНА. Потом будут нужны.

СОРОКИНА. Когда потом?

СВЕТЛАНА. Когда все по-прежнему вернется. Они богатыми будут. А Наташу они не съели, сама Наташа сказала, чтобы так. (Пристально смотрит на Анну Сергеевну.) Потому что они не равнодушные друг к другу. (Указывает.) Почему Ваня не скажет, я кончусь скоро, берите меня.

СОРОКИНА. Как же я могу сына есть?

СВЕТЛАНА. Перекреститься и есть.

СОРОКИНА. На мне потом крест загорится.

СВЕТЛАНА. Не загорится. Если бы он любил мать, любил брата ...

Иван стонет. Светлана резко умолкает.

СОРОКИНА. Что, Ваня? Петя, что он там?
ПЕТР (смотрит через плечо). Лежит.

Иван высовывает из лохмотьев ногу.

СВЕТЛАНА. Нога...

Иван тихо и тонко смеется.

СОРОКИНА. Что, Ваня, ножка болит?

ИВАН (словно дразнит). Но-ожка...

СВЕТЛАНА. Смотрите, какая толстая...

СОРОКИНА. Так разве толстая?

СВЕТЛАНА. Толще моей.

СОРОКИНА. Так он ведь мужчина...

ИВАН (словно очнувшись). Кто мужчина?

СВЕТЛАНА. Начинается...

Пауза.

Иван высовывает лицо из лохмотьев и оглядывается. Хлопает глазами. Он достает неизвестно небольшое зеркальце и смотрит в него.

СОРОКИНА (шепотом). Света, откуда у него зеркальце?

СВЕТЛАНА. Я дала.

СОРОКИНА. Зачем? Он ведь может зарезаться.

Иван достает кусочек губной помады, спрятанный в бумажку, и начинает красить губы.

ИВАН. Сегодня у Вани день рождения.

СВЕТЛАНА. Так вчера же был. И сегодня тоже?

ИВАН. Вчера? (Пауза.) Вчера не помню...

СВЕТЛАНА. И позавчера, и поза-позавчера...

СОРОКИНА (берет ее за руку). Ладно, Света. Пусть...

Иван похож на клоуна с намазанными губами.

ИВАН (матери). Я красивая?

СОРОКИНА. Красивая, очень.

ПЕТР (держится за голову). Господи...

ИВАН. Я стараюсь ради Ивана.

ПЕТР. Господи...

СВЕТЛАНА (раздраженно). Петя, ну что ты сидишь!

ПЕТР. А что мне делать?

СВЕТЛАНА (шипит). Не ори! Мы тратим энергию!

ПЕТР (тише). Что мне делать?

СВЕТЛАНА. Твой брат ебанулся: он валяется весь день, не ходит за водой, не ищет еду, а только жрет.

ПЕТР (закрывает голову руками сверху). Бля-ядь... когда же это кончится?

СВЕТЛАНА. Ты ругайся, а сходи по квартирам.

ПЕТР. Ходил уже.

СВЕТЛАНА. И что? Кроме одной сосульки ничего не надыбал?

ИВАН (тихо). Сосулька?

ПЕТР. Ты внимательнее посмотри. Иногда умирают: труп лежит, а рядом кусок хлеба или «Ролтон» засохший. Думал съест потом, а потом умер.

СОРОКИНА. Так все ведь растягивают.

ИВАН. А где сосулька?

ПЕТР. У меня. (Показывает.) Вот...

ИВАН. А вы дадите мне посмотреть?

ПЕТР. Да, конечно.

СВЕТЛАНА. Лучше бы скипятил.

Петр встает и идет к брату, садится рядом с ним.

ИВАН (берет сосульку). А где вы ее взяли?

ПЕТР. На козырьке висела.

ИВАН. А зачем вы ее взяли? Для шутки?

ПЕТР. Нет. Это вода.

ИВАН. Зачем она вам?

ПЕТР. Кипятить.

ИВАН. Зачем? Можно взять из крана или купить в магазине.

ПЕТР. Не идет из крана, закрыты магазины.

ИВАН. А почему?

ПЕТР. Война.

Пауза.

ИВАН (возвращая сосульку). Да, я слышал. Мой возлюбленный ушел на войну...

ПЕТР. А вы...

ИВАН. Я его жду? Потому что люблю Ваню.

ПЕТР. А вы... женщина?

ИВАН (смеется). Разве не видно? (Указывает на губы.) Я женщина.

ПЕТР. А у вас все женское?

ИВАН (смеется). Да.

ПЕТР. А можно я потрогаю?

ИВАН (отсаживается). Я вас не знаю. Вы дурак какой-то. Ваня придет, я ему все расскажу. Он вас побьет.

ПЕТР. Я просто хотел убедиться, что вы женщина, а не шпион.

ИВАН (матери и Светлане). Вы слышите? Ха! Это невысказано! (Петру.) Уходите, пожалуйста.

ПЕТР. Хорошо, только я...

Петр быстро кладет Ивану руку на пах. Иван испуганно визжит и вырывается.

ИВАН. А-а!! Не прикасайтесь!

СОРОКИНА. Петя!

Иван бежит к матери.

ПЕТР (идет за ним). Я хотел, чтобы он понял...

СВЕТЛАНА. Эта тварь провоняла всю квартиру. (Отсаживается.) Он мочится в свои тряпки.

Петр гладит Ивана по спине, тот дергает лопатками.

ПЕТР. Ваня, ты же парень...

СОРОКИНА (Петру). Уйди, уйди... Ты его замучил...

СВЕТЛАНА. Обоссавшаяся гадина.

ПЕТР. Не говори так про Ваню.

СВЕТЛАНА (злобно). Иди на хуй, гной.

ПЕТР (отворачивается). Дура.

СВЕТЛАНА. Сколько энергии потратили на возню. Можно было куда-нибудь сходить.

ИВАН (плачет). Я ведь никому не желаю зла...

СВЕТЛАНА. Не воняй и не тронут.

ПЕТР. Ты сама воняешь, как мусор.

СВЕТЛАНА. Это пот и грязь, но не моча.

СОРОКИНА. Сейчас все воняют.

Молчат.

Иван вытирает слезы.

ИВАН (брату). Вы, наверное, очень одиноки.

ПЕТР. Почему?

ИВАН. У вас, наверное, нет женщины.

Пауза.

ПЕТР. Была. Потом умерла.

СВЕТЛАНА (возбуждаясь). Кто умерла?

ПЕТР (Ивану). Света моя умерла.

СВЕТЛАНА. Ты охуел, ебанашка?

СОРОКИНА. Ох!

ПЕТР. Она умерла.

ИВАН. Мне кажется, она вас не любила.

СВЕТЛАНА. Закрой рот, рванина.

ПЕТР. Не знаю.

СВЕТЛАНА. Я вас всех, тварей, выебу.

ПЕТР. Замолчи.

СВЕТЛАНА. Замолчи сам, мрак. Я жива. Я сегодня посрала.

ПЕТР. Ну и что?

СВЕТЛАНА. Мертвые не срут.

Молчат.

СОРОКИНА. А сосулька на полу лежит...

ИВАН. Снег за окошком...

ПЕТР. Возле дома снега чистого не осталось. Была одна горка, там уже кто-то окоченел.

СВЕТЛАНА. Сдвинь.

ПЕТР. Не сдвигается.

СВЕТЛАНА. А рядом ничего не лежит? Может, кулечек?

ПЕТР. Нет, ничего.

СВЕТЛАНА. Ты невнимательно смотришь. Тогда у менеджера карточки не нашел.

ПЕТР. А ты что весь день сидишь, никуда не ходишь?

СВЕТЛАНА. Экономлю силы. (Заматывается в платок.) Все.

Молчат.

Светлана раскачивается и что-то бормочет.

СВЕТЛАНА (резко). Я не сошла с ума.

Молчат.

СВЕТЛАНА (резко). А в той коробке?

СОРОКИНА. Какой? Что за коробка?

СВЕТЛАНА. Там, на кухне, в пенале. Там коробочка «грудной сбор» - может быть, там что-то есть, какая-то еда... (Мужу.) Там лежит «Сникерс». Я чувствую, он лежит там.

Петр, недовольный, встает и идет на кухню. Светлана провожает его взглядом.

СВЕТЛАНА. Еще за хлебницу надо заглянуть...

ПЕТР (входит с кухни). Нет там ничего.

СВЕТЛАНА. Нет «Сникерса»? А за хлебницей?

ПЕТР. Тоже нет.

СВЕТЛАНА. Откуда ты знаешь? Ты же не смотрел.

ПЕТР. На кухне ни крошки не осталось.

СВЕТЛАНА. А мне показалось, ты жевал, когда вошел.

ПЕТР. Тебе показалось.

Светлана раскачивается и бормочет.

Иван встает, неожиданно разбегается и делает прыжок. Зависает на мгновение в воздухе и падает на пол.

Все, оцепенев, смотрят на его скорчившуюся в дальнем углу комнаты, фигуру. Молчат.

СОРОКИНА. Убился...

Входит Кирилл Петрович. Останавливается у порога.

СОРОКИН (жалким голосом). Ку-ку.

СВЕТЛАНА. Хуй в рот.

СОРОКИН. Ку-ку, девочки и мальчики.

СОРОКИНА. Здравствуй, Кирилл.

ПЕТР. Здравствуй, папа.

СОРОКИН. А что Ванечка не здороваается?

СВЕТЛАНА (резко). Нашли?

СОРОКИН. Что, Светочка?

СВЕТЛАНА. Не прикидывайся, старое хуйло. Еду нашел? Спички, керосин?

СОРОКИН. Нет, Светочка. Ничего в Москве не осталось.

СВЕТЛАНА (разделяя слова). Не может быть, чтобы в Москве не осталось.

СОРОКИН (разводит руками). Не нашел...

СВЕТЛАНА. Тогда пиздуй снова к метро.

СОРОКИН. Может быть, Петя сходит? У меня совсем нет сил.

СВЕТЛАНА. Петя здесь нужен: если грабеж, если чего.

СОРОКИН. Какой грабеж? Что брать?

СВЕТЛАНА. Иди к метро. Ты старик, тебя должны жалеть.

СОРОКИН. Так ведь не подают больше. Людям самим есть нечего.

СВЕТЛАНА. А ты проклинай. Или убейте чурку и заберите у него.

СОРОКИН. Убили всех черножопых уже...

СВЕТЛАНА. Тогда тебя съедим, говно засохшее.

СОРОКИНА. Нельзя так, Света. Мы же люди.

СВЕТЛАНА. Вы не люди, а дерьмо на блюде. Вы мотаетесь из угла в угол и ничего от вас нет.

ПЕТР (мрачно). Еще одно слово и я тебя ударю.

СВЕТЛАНА. Что? Что? Я тебя сама отпизжу!

Петр пытается ударить Светлану, но из-за слабости промахивается. Она перехватывает руку мужа и скручивает у него за спиной.

СВЕТЛАНА (бьет Петра в затылок). Я тебя угондошу!

СОРОКИНА (разнимает). Света, это твой муж!

СВЕТЛАНА (лихорадочно). Это не муж. Это атомы. Это ад. Это не муж.

Отпускает Петра, выбегает в центр комнаты.

СВЕТЛАНА. Шы.

Пауза. Все смотрят на Светлану.

СВЕТЛАНА (с бегающими глазами). Шы-шы-шы.

СОРОКИНА. Что?

СВЕТЛАНА. Активия.

СОРОКИНА. Света...

СОРОКИН. Что-то буробит...

СВЕТЛАНА. Шы-шы-шы. (Бьет себя по щекам.) Нет, я в порядке. В порядке...

(Опускается на пол.) Все...

Затихает.

СОРОКИН. Я возле метро Проскудина встретил.

СОРОКИНА. И что он?

СОРОКИН. Санки возле табачного ларька перевернул на себя, когда вез воду, а лед быстро схватился, он и вмерз.

СОРОКИНА. Умер?

СОРОКИН. Когда я проходил, был еще живой.

СОРОКИНА. Ну, ты его отколупал?

СОРОКИН. Какой там! Его не отдерешь...

СОРОКИНА. Жалко Филиппа Романовича.

Петр встает и молча подходит к лежащему Ивану. Смотрит на него.

СОРОКИН (шепотом). Я хвойки принес...

СОРОКИНА. Что? А? Почему сразу не сказал?

СОРОКИН. Так Света все сожрет.

СОРОКИНА. Откуда хвоя?

СОРОКИН. Иду мимо дома, там на первом этаже окна выбиты. Смотрю, елка с нового года не убранная, а семья вокруг лежит вокруг телевизора. Одним снарядом всех положило. Я руку протянул и сколько мог нарвал иголок.

(Хлопает себя по карману.) Вот.

СВЕТЛАНА. Вы что-то там говорите про еду?

СОРОКИНА. Ничего, Света.

СВЕТЛАНА. Мне показалось, что про еду.

СОРОКИН. Показалось. (Хлопает по карману.) Вот.

СОРОКИНА. Шепотом. (Спрячь.)

СОРОКИН. Затирушки, может?

СОРОКИНА. Света не разрешает.

СВЕТЛАНА. Что? Нет. Нет, не будем есть. Все сожрем, а что потом делать будем?

СОРОКИНА. Света, не волнуйся.

Петр переворачивает Ивана. Тот обнимает брата.

ИВАН (смеется). Ах! (Заливается смехом.)

Петр делает несколько шагов назад.

ИВАН. Вы меня разбудили...

ПЕТР. Извини.

ИВАН (поднимается). Ничего страшного.

СОРОКИН (опускает руку в карман). А у меня для Вани кое-что есть.

ИВАН (поднимается). Я могу передать.

СОРОКИН. Вот. (Вынимает из кармана iphone.) Телефончик.

ИВАН. Ах! Ваня всегда мечтал о таком.

СОРОКИН. Представляешь, там еще батарейка не села.

СОРОКИНА. Где же они заряжали? С октября тока нет.

ИВАН (включает телефон). Какая прелесть... тут змейка есть ...

Звуки игры.

ПЕТР. Не разряди батарейку.

ИВАН (останавливается). Вы правы... (Прячет телефон.)

СВЕТЛАНА. Лучше продай.

ИВАН. Это мое.

Показывает Светлане язык.

Некоторое время она сидит неподвижно, затем бросается на Ивана.

Анна Сергеевна и Кирилл Петрович отдирают Светлану и валят ее на пол, вместе с Петром они связывают ее по рукам и ногам.

СВЕТЛАНА (вырывается). Я хочу иметь свой бизнес!! Я хочу красить ногти!! (Бьется в веревках.)

СОРОКИНА. Успокойся, Света!

СВЕТЛАНА (задрал голову). Я хочу съесть Ваню.

СОРОКИНА (глядит ее по голове). Успокойся. Вот нам папа хвои принес.

Сейчас мы сделаем отвар. А вечером какую-нибудь дуранду из остатков.

СВЕТЛАНА. Остатки? Есть остатки?

СОРОКИНА. Найдем.

СВЕТЛАНА (улыбается). Какая-то я жадная стала.

СОРОКИНА. Ничего страшного...

СВЕТЛАНА. А вы меня не убьете?

СОРОКИНА. Не говори такое.

СВЕТЛАНА. Кислотой не обольете?

СОРОКИНА. Что ты, Света, придумываешь...

СВЕТЛАНА. Если я буду бормотать – не обращайтесь внимания.

(Отворачивается.)

Иван хлопает в ладоши.

СОРОКИНА. Что, Ваня?

ИВАН. Конечно, я уже не в том возрасте – все днище в ракушках и пора на мель садиться, но я, сорокалетняя, все-таки имею право на счастье. Я знаю, что он намного меня младше, но это ведь не проблема, он ведь не ребенок. Я все знаю и мне не страшно, потому что боятся те, кто не умеет... те, кто чего там... когда в отношениях нужны переходники... когда не рвет, а рвется... в отношениях...

Все молча слушают.

ИВАН. Знаете, так хочется почему-то произносить английские слова... (Смеется.)

Молчат.

СОРОКИН. Давайте кипятка попьем!

СОРОКИНА. Давайте.

ПЕТР. Давайте... (Подходит к Ивану, обнимает его.)

СВЕТЛАНА. Да...

Анна Сергеевна зажигает керосинку, Петр Кириллович выходит за дверь с кастрюлей и возвращается, наполнив ее снегом. Ставит на керосинку.

ИВАН. Что такое энзим?

ПЕТР. Не знаю. Мама, что такое энзим?

СОРОКИНА. Не знаю.

ИВАН. А коллаген?

СОРОКИНА. Не знаю.

ИВАН. А гламур?

СОРОКИНА. Это раньше было.

ПЕТР. А почему ты спрашиваешь?

ИВАН. Я не спрашиваю. У меня в голове черви. Они едят слова. Если я не могу объяснить, что за слово – они съедят.

СВЕТЛАНА (возбужденно). А помните, как мы жрали? Помните?

СОРОКИНА. О чем ты?

СВЕТЛАНА. Как мы каждый день жрали. Помните Макдональдс? Кофе-хауз.

Флаер на вторую чашку. Сколько мы жрали. И одежда была красивая. В Египет могли поехать. А как мы вкалывали? Какие были толпы – все орали.

Эскалаторы – если слева встанешь, толкнут. Как было тяжело и хорошо.

СОРОКИН. Да уж...

СВЕТЛАНА. А сколько мусора было в конце дня. Петя по два пакета выбрасывал. Говно у меня было густое.

СОРОКИНА. Что ты, Света, все про говно.

СВЕТЛАНА. Потому что оно показывает жизнь. У меня раньше отрыжка была, икота, пукала я. И все от еды. А сейчас голодный понос, потому что желудок пустой.

ПЕТР. Хватит о еде.

СОРОКИНА. Да, хватит.

СВЕТЛАНА. Дайте мне старые чеки почитать.

ПЕТР. Может не надо?

СОРОКИНА. Дай, Петя.

Петр роется в карманах, затем вынимает бумажный шар – скатанные в комок чеки.

ПЕТР (подает Светлане). На.

СВЕТЛАНА. Ручки развяжи.

ПЕТР. Драться не будешь?

СВЕТЛАНА. Нет.

Развязывает ей руки.

СВЕТЛАНА. Дай! (Выхватывает чеки.) Двадцать восемь, ноль, два... Фрукты

груша калибр шестьдесят плюс новый у-у. Кассир Гысева Т.И. Что-то я не помню груш... Хлеб «Настюша» батон нарез... Настойка медовуха ноль и пять ль... Снова хлеб «Настюша» семьсот грамм... Дарниц... Зразы «Золотой петушок» - пятьдесят шесть рублей и девяносто копеек... Крупа «Ангстрем» гречневая... Сырок глазир...

СОРОКИНА. Хватит, Света. Никогда мы хорошо не жили. До войны плохо, а сейчас еще хреновей. Экономили, экономили, а ничего не скопили.

СВЕТЛАНА. Мыло туалет «Дуру»... Паштет «Гран-Мэр» сто пятьдесят граммов... (Словно очнувшись.) Да, плохо. А сейчас вообще ад. Потому что Богу на нас насрать.

СОРОКИНА. Нет никого Бога.

СВЕТЛАНА. Почему? Он есть, только он – хуесос. (Бросает чеки.)

ИВАН (машет руками). Не правда! Бог не хуесос!

Дверь распахивается и в комнату падают Проскудины. Филипп Романович звенит как стекло. Алла Львовна на костыле, вместо одной ноги у нее – культя.

ПРОСКУДИНА. Отогрейте... Филя замерз...

СВЕТЛАНА. Идите на хуй.

ПРОСКУДИНА (ползает по мужу). Отогрейте его, пожалуйста. Давайте навалимся и растопим. Он саночки на себя перевернул... (Плачет.)

СВЕТЛАНА (шепотом). Вы ведь москвичи...

ПРОСКУДИНА. Он живой, живой! Помогите, я за вас молиться буду!

СВЕТЛАНА (смеется). Москвичи, а теперь замерзшие! И кому вы теперь нужны? Вот умрет Филя и больше не москвич. (Смеется.) Помните: регистрация, прописка. А теперь что? Зато в пробках не стоите.

Иван подходит и ложится на Филиппа Романовича, дышит ему в лицо.

СВЕТЛАНА (Ивану). Пососи ему нос.

ИВАН. А где его глаза?

ПРОСКУДИНА. Несчастный случай. Анна Сергеевна, Петя, Кирилл Петрович, погрейте его сбоку.

СОРОКИНА. Да мы и так холодные...

СВЕТЛАНА (ползет). Давайте я. А если оживет, убьем его.

ПРОСКУДИНА. Не говорите так – это очень жестоко.

СВЕТЛАНА. Иди на хуй, меня Бог простит, потому что я ебанутая.

(Прижимается к Филиппу Романовичу.) Подушу его, морду московскую.

ПРОСКУДИНА (плачет). Света, какая ты жестокая...

СВЕТЛАНА. Нигде столько не говорят и не дерутся, как у нас. Везде зайдешь: тихо все по углам сидят – берегут энергию. У Петуховых, когда зайдешь – тишина. Ни один человек не двигается. У каждого в кулаке сухари: по одному

в полчаса достают и съедают. Даже глаз не открывают. Все сидят на горшках, а кто на кастрюле. Назначают дежурного, который горшки собирает и в окно вытряхивает.

СОРОКИНА. Не такие мы умные, как Петуховы. Что поделать...

СВЕТЛАНА. Надо умнеть. Почему у них Сергей Владимирович перед дефолтом две тысячи девятого все заранее знал? Деньги распределил, йены купил. И перед войной он запасы сделал: вода, быстросупы, крупа...

ПЕТР. Что ж он не уехал, если умный такой?

СВЕТЛАНА. Чтобы за квартирой следить. Если мы, русские, уедем, здесь все чуракам и армяшкам останется. Придешь домой, а там таджик сидит.

ПЕТР. Где ты их последний раз видела? Все попередохли.

СВЕТЛАНА. Петуховы видели. Они одного армяша на улице подобрали, в квартиру принесли. Отогрели, а он вскочил и со стола успел сожрать. А Сергей Владимирович его за горло держит, чтобы тот не проглотил, а Даша по зубам бьет.

ПЕТР. Зачем они его принесли?

СВЕТЛАНА. На него что-то сладкое налипло. Мешок он какой-то нес, когда в него бомбой попало.

ПРОСКУДИНА. Света, вы сильно отодвинулись от Фили.

СВЕТЛАНА (отползает). Ну вашего Филю на хуй. Его в аду отморозят.

СОРОКИНА. Ванечка, ты бы слез, а то замерзнешь.

ПРОСКУДИНА (держит Ивана за рукав). Не слезайте, пожалуйста.

СОРОКИНА. Ваня...

ИВАН. Он теплый...

ПРОСКУДИНА. Видите, теплый. Значит, им двоим теплее.

СВЕТЛАНА. Раньше обогреватели были и ванна.

ПРОСКУДИНА. А Ваня себя по-прежнему девочкой считает?

СВЕТЛАНА (злобно). Дождется, что выебут.

ПЕТР. Чтобы трахнуть силы нужны. А у кого сейчас силы?

СВЕТЛАНА. У Пети пися мягкая – не стоит давно. (Громко.) Как мы раньше еблись! А в последний раз я Петину сперму съела – так хотелось углеводов.

(Подползает к Алле Львовне.) Вы говорили, у вас соседи голубые.

ПРОСКУДИНА. Что?

СВЕТЛАНА. Я подумала, что, может быть, содомиты купят Ваню.

ПРОСКУДИНА. Зачем?!

СВЕТЛАНА. Тихо. (Шепотом.) Трахать его, пока он живой.

ПРОСКУДИНА. Света, вы больная.

СВЕТЛАНА (отползает). Я не больная, а думаю, как нам жить... (ползет) в условиях кризиса...

СОРОКИНА (мужу). Что-то ты, дорогой, замолчал.

СВЕТЛАНА. Умер, наверное. (Бьет его по ногам.) Умер ты?

ПЕТР. Папа... (Трясет отца за плечо.)

СВЕТЛАНА. Подох...

ПРОСКУДИНА. Бывает, что посидит человек, а потом отойдет.

СВЕТЛАНА. Мужчины быстрее умирают. У Петуховых сосед был – такой красавец. Джинсы в сапоги заправлял, носил золотую цепочку. Знал итальянский. А умер быстро, потому что есть привык много и купаться.

Иван шумно лижет лицо Филиппа Романовича.

СОРОКИНА. Ваня, это не мороженое. Это дядя Филипп.

СВЕТЛАНА (смотрит на них). Раньше были немецкие десерты, взбитые азотом.

ИВАН. У него глаза пол веками задергались.

СВЕТЛАНА. Вдуй ему в жопу – он проснется.

ИВАН. Я люблю вас, Филя... (Целует его в губы.)

ПРОСКУДИНА. Не надо, Ваня, не надо.

СВЕТЛАНА. Засунь ему в рот.

ПРОСКУДИН. М...

ПРОСКУДИНА. Он живой! Филечка!

СВЕТЛАНА. Филечка-килечка.

ПРОСКУДИНА. Он живой! (Трясет мужа.) Ты меня слышишь?

ПРОСКУДИН. Санки...

ПРОСКУДИНА. Что?

ПРОСКУДИН. Санки...

ПРОСКУДИНА. Здесь они, здесь.

Филипп Романович встает, с него падают Иван и Алла Львовна.

СВЕТЛАНА. Сколько силы у говна. А мы его грели.

ПРОСКУДИН (идет к двери). Там внизу...

СОРОКИНА. Филипп Романович!

Он выходит.

ПЕТР. Не надо его было отпускать.

ПРОСКУДИНА. Там лестница скользкая – я боюсь спускаться.

СОРОКИНА. Петя, может быть, наш папа тоже живой?

ПЕТР (трогает). Нет, холодный.

СОРОКИНА. Умер, значит. Жалко.

ПЕТР. Надо его в угол положить.

СОРОКИНА. Сейчас сил нет. Карточки у него забори.

ИВАН. Что случилось?

СОРОКИНА. Папа умер.

ИВАН. У Ивана умер отец?

СОРОКИНА. Да. Петя, карточки забори.

ПЕТР (вынимает карточки). Забрал.

ИВАН. Бедный, он будет плакать. Я не буду ему говорить.

СВЕТЛАНА. Не потеряй карточки.

ИВАН. Когда он болеет, я прижимаю его к себе. Я помню, он прилетел и подарил мне огромную, до пола, гирлянду из фиалок. Ее сплели дети в Малайзии.

СВЕТЛАНА. Твой Ваня летчик?

ИВАН. Да, он летал на маленькой «Сессне» вокруг водопада «Сальто анжело» в парке Канайма в сельве на подступах к Амазонии, сафари в Кении и Танзании, занимает позицию топ-мен... (Хватается за голову.) Черви! Они все съели! Все добрые слова! Я не смогу читать «GQ»!

Пауза.

ПРОСКУДИНА. Да, журналы – это прекрасно. Надеюсь, они когда-нибудь появятся снова. Света, хотите я дам вам кое-что?

СВЕТЛАНА. Что?

ПРОСКУДИНА. У меня есть хороший аромат. (Вынимает образец.) Из журнала «Madame Figaro». Духи «Шанель». Мне кажется, я понимаю вас как женщину. Когда нас лишают маленьких радостей, мы становимся раздражительными... (Протягивает.)

СВЕТЛАНА (хватает образец). Дай... (Нюхает.) Так он выветрился. (Трет лицо.) Совсем ничего... (Мнет образец.) Сухой... (Прячет.)

ПРОСКУДИНА. Куда вы? Верните мне, пожалуйста.

СВЕТЛАНА. Пошла на хуй. Приперлась и пиздит.

ПРОСКУДИНА (неуверенно). Этой мои духи.

СВЕТЛАНА. Жопу порву.

ПРОСКУДИНА (Петру). Скажите ей.

СВЕТЛАНА (вертит головой). Только троньте.

Иван встает, идет к Светлане.

ИВАН. Верните.

СВЕТЛАНА. А? Что? Иди на хуй. Что ты защищаешь? Почему ты красивый, когда все посерели? Он, наверное, где-то поджигает.

ИВАН. Верни Алле Львовне ее духи.

СВЕТЛАНА (швыряет образец под ноги). На!

ПРОСКУДИНА (подбирает). Ванечка, вы тоже можете подушиться.

СВЕТЛАНА. Надо его раздеть и посмотреть, где он прячет еду. Он специально так заматывается и тихонько жрет под тряпками. (Срывает с него лохмотья.)

Наверное, «Кириешки» прячет...

ПЕТР. Света, береги энергию.

СОРОКИНА. Что за позор вы устраиваете...

СВЕТЛАНА. Сейчас посмотрим...

Иван голый. Светлана роется в его одежде.

СВЕТЛАНА. Говорите про меня что хотите... еще будет мир... еще поедем в Египет... (Находит что-то.) Я же говорила! Это семечки (Показывает небольшую горсть.) А ебанашкой прикидывался. А у самого семечки. По двадцать рублей были в «Магнолии».

СОРОКИНА. Это Ванины семечки.

СВЕТЛАНА. Ванины? А почему он прячет?

СОРОКИНА. Да посмотри, сколько их там. Тебе не стыдно?

Иван стоит, опустив голову вниз.

СВЕТЛАНА (указывает на Ивана). А ему не стыдно? (Бросает ему в лицо семечки.) На!

Пауза.

СВЕТЛАНА. Господи! Что я наделала!

Она начинает ползать и собирать семечки.

СВЕТЛАНА. Пол темный... дайте свету!.. не видно ни хрена...

Иван пинает Светлану по голове.

СВЕТЛАНА. Ой! (Падает лицом вниз.)

СОРОКИНА. Ваня!

ИВАН (тихо). Я не Ваня. Я сатана.

СОРОКИНА. Петя, прикрой брата!

Петр наматывает Ивану на бедра тряпку.

ИВАН. Ты кто такой?

ПЕТР. Все нормально.

ИВАН. Хочешь, я сделаю тебя царем?

ПЕТР. Нет. Ты успокойся...

ИВАН. А чего ты хочешь?

ПРОСКУДИНА. Ваня, возле меня ваша семечка упала. Можно я ее съем?

Входит Филипп Романович с чем-то замотанным в ткань.

ПРОСКУДИН (протягивает). Вот. Нашел, на полку под санками положил.

Все молчат.

ПРОСКУДИН. Что случилось?

ПРОСКУДИНА. Ваня – сатана.

Воздушная сирена. Все, кроме Ивана, ложатся.

СОРОКИНА. Ложись!

СВЕТЛАНА. Налет!

ПЕТР. Бомбят!

ПРОСКУДИНА. Филя, на пол!

ПРОСКУДИН. Иду!

СОРОКИНА. Ваня, ложись!

ПЕТР. Ваня!

СВЕТЛАНА. Ляг, придурок!

За окном падают бомбы. Сорокины и Проскудины ползают по полу. Иван, стоит не двигаясь.

СОРОКИНА. Господи!

ПРОСКУДИНА. Боже, помоги нам!

ПЕТР. Я боюсь! Я боюсь, мамочка!

СОРОКИНА. Петя, ползи ко мне!

СВЕТЛАНА. Ваня, мудака!

ИВАН. Никто из вас не дорог мне.

СВЕТЛАНА. Закрой рот и падай!

ПРОСКУДИНА. Не стойте возле окна!

ПРОСКУДИН. Ляжете комком!

ПРОСКУДИНА. Ляжете как Филя!

ПЕТР. Ох, мамочка, сыкотно!

СВЕТЛАНА. Бог спаси, Бог, Бог, Бо...

ПЕТР. Пусть меня уже убьет!

СОРОКИНА. Ох, разнесет квартиру!

ПЕТР. Долбанная Москва! Зачем мы сюда приехали!

СВЕТЛАНА. Пусть она наебнется!

ПРОСКУДИНА. А где вы жить будете?

СВЕТЛАНА. У вас!

ПЕТР. Ваня-я!!

Иван стоит молча.

Делает жест рукой – бомбежка прекращается.

ПРОСКУДИНА. Вы видели?

Все молча смотрят на Ивана.

За окном падает бомба – выбивает зафанеренное окно. Поднимается облако из извести и пыли.

Все лежат ничком на полу.

ПРОСКУДИН (поднимает голову). Опять не умер.

Все молча поднимаются, откашливаются.

ПРОСКУДИН (разворачивает ткань свертка). Умер...

СОРОКИНА. Кто?

ПРОСКУДИНА. Котенка нашел, в тряпку завернул.

СВЕТЛАНА (подходит). Дайте посмотреть.

ПРОСКУДИНА (загораживает мужа). Это наш с Филей кот! (Выставляет вперед руки.)

СВЕТЛАНА (заглядывает). Это не кот.

ПРОСКУДИНА (оглядываясь). А что?

СОРОКИНА. Может быть, подделка, как на рынке: яйцо продадут с кровью, мыло маслом намажут и продадут.

СВЕТЛАНА (отступает). Это вообще не кот.

ПРОСКУДИНА (смотрит). Это... Филя, что это?

ПРОСКУДИН. Был кот.

Филипп Романович вываливает из тряпки на пол что-то непонятное.

СВЕТЛАНА. Ну, спасибо: пол засрали.

ПЕТР. Что за гадость?

ИВАН (ошеломленно смотрит перед собой). Господи!.. (Бежит к непонятному.) Ваня! Ваня!

Падает рядом с непонятным и начинает его целовать.

СОРОКИНА. Ваня, брось!

Петр пытается отнять у брата непонятное.

ИВАН. Я нашел его!

СОРОКИНА. Это испорченный котенок, брось его!

Светлана отделяется от остальных. Она словно преобразилась.

СВЕТЛАНА (держится за голову). Господи! Я взываю к тебе из бездны! Во всем виновата, во всем раскаиваюсь! Наказана тем, что лишена тебя – мы все лишились тебя. Ты ушел тихо, как голубь, а сатана вошел следом.

ПРОСКУДИНА. Как Света хорошо говорит...

СВЕТЛАНА. И даже если выживу, зачем мне эта жизнь? Об одном прошу – не карай меня. Еще день без хлеба, еще два, три, но что такое вечность без тебя, Господи? Я изголодалась по тебе, Отец. Ты мой хлеб, ты моя пища. Это не Москва в блокаде, это душа моя в ней...

СОРОКИНА. Она сошла с ума.

ПРОСКУДИН. Да, это не похоже на Свету.

Глаза Светланы светятся бесстрашием.

СВЕТЛАНА. У меня... к вам... есть... предложение...

ПЕТР. Какое?

Пауза.

Светлана что-то шепчет мужу на ухо.

Петр молча смотрит на нее. Затем также – шепотом – передает сказанное брату, матери, Проскудиным.

ПРОСКУДИНА. Светочка... Мы вас так любим... Но мы так хотим есть...

ПРОСКУДИН. Поймите нас...

СВЕТЛАНА. Мне надо будет помыться.

ИВАН. Я буду есть тебя и плакать...

ПЕТР. Я тоже...

ПРОСКУДИН (робко). Может быть, Кирилла Петровича?..

СОРОКИНА. Он не давал согласия. Света сама.

СВЕТЛАНА. Выйдите. Я помоюсь.

ПРОСКУДИНА. Какая все-таки молодец. Никогда бы не подумала. Все время материлась.

ПЕТР (нерешительно подходит). Нужна помощь?

СВЕТЛАНА. Нет.

ПЕТР. Я хотел тебе сказать...

СВЕТЛАНА. Не нужно.

Петр молча снимает кастрюлю с керосинки и ставит на пол, подвигает табурет.

ПЕТР (подходит к жене). Может быть, не надо? (Светлана молчит.) Спасибо.

(Целует ее в щеку.)

СОРОКИНА. Мне остаться, помочь?

СВЕТЛАНА. Нет.

ПРОСКУДИНА. Тогда мы пойдем, Светочка?

ПРОСКУДИН. Ты нас очень выручила.

ИВАН (подходит к Светлане, говорит шепотом). Я буду плакать...

Все, кроме Светланы и мертвого Кирилла Петровича, выходят.

Пауза.

Светлана прислушивается, подвигает табурет поближе к Кириллу Петровичу, садится. Оглядывается, вынимает нож и вилку, еще раз смотрит на дверь.

Встает, переносит керосинку поближе. Садится.

Пауза.

Светлана закатывает одну брючину Кирилла Петровича. Подносит керосинку и опаливает огнем волосы на ноге, разгоняет дым, кашляет.

Пауза.

Светлана целится вилкой в ногу.

Стук в дверь.

ПЕТР (за дверью). Света! Света!

СВЕТЛАНА (через плечо). Чего?!

ПЕТР. Война кончатся! Война кончатся!!

СВЕТЛАНА. Сейчас!

Поспешно встает, убирает табурет и керосинку, прячет нож с вилкой. Идет открывать дверь.

ПЕТР. Света!

СВЕТЛАНА. Идти!

Возвращается и поправляет брючину. Быстро идет к двери, открывает.

СВЕТЛАНА. Петя!

ПЕТР. Война кончатся...

СВЕТЛАНА. Египет!

Падает в обморок, Петр ловит ее на руки.

В комнату входят Анна Сергеевна, Иван, Филипп Романович и Алла Львовна.

СОРОКИНА (крестится). Господи, спасибо ты...

Иван обнимает мать.

СОРОКИНА. Господи... (Оглядывает всех, говорит отрывисто.) Все молиться!

Все тихо, склонив головы, шепчут молитву.

У Ивана звонит iphone.

СОРОКИНА. Хотя бы на время молиться отключать.

ИВАН. Извини мать. (В трубку.) Алло!

СОРОКИНА. Что «извини»? Бог говорить: я Москву спасать, а они на меня срать.

СВЕТЛАНА (поднимается с рук мужа). Надо Кирилл Петрович убрать.

СОРОКИНА. В простынь замотать.

ПЕТР. На балкон класть, рядом со свернутый палас.

СВЕТЛАНА (берет пульт). О! Телевизор работать!

ПРОСКУДИНА. Что показывать?

СВЕТЛАНА. Передача: «Они пережить блокада».

ПРОСКУДИНА (садится рядом). Интересный...

СВЕТЛАНА. Здесь смешной историй про блокада.

ПРОСКУДИН. Я так бояться, когда санки перевернуть.

ИВАН (убирает телефон). Мать, я скоро уходить.

СОРОКИНА. Куда?

ИВАН. На фуа-гра-party в честь конец блокада.

СОРОКИНА. Заходить в магазин – покупать фрикасе и календарь про годовой блокада.

СВЕТЛАНА (смотрит в телевизор). Ха-ха-ха! Анекдот про смерть младенец!

ПРОСКУДИНА. Я люблю смеяться над смерть!

ПЕТР. Я люблю российский телевизор – там всегда труп показывать.

ПРОСКУДИН. Там всегда президент мяукать.

СОРОКИНА. Иван, убирать пока отец, а то вонять и течь на паркет.

Иван волочит отца на балкон. Останавливается.

ИВАН. Уф! Уставать! Желание дрочить.

СОРОКИНА. Бог видеть – в ад кидать.

ИВАН. Ты сам в Бог не верить. Ты врать.

СОРОКИНА (смеется). Да, не верить, а притворяться. Во время блокада молиться: Бог спаси, я буду живой и хороший. А сама думать: если спасать, снова быть плохой, обманывать Бог.

ПРОСКУДИНА. Мы с Филя тоже Бог обманывать в молодость. Говорить, Бог, давать нам московский квартира – мы в церковь ходить, человек помогать. А когда Бог нам давать, мы обманывать и нищих дразнить.

ПЕТР. Надо Бог плевать и в банк на процент класть.

ПРОСКУДИН. Главное, ставка рефинансирование не превышать.

ПЕТР. Даже если завышать – всех обманывать.

СВЕТЛАНА. Деньги получать и солярий ходить, эпиляция делать. Из жопа волосы выдирать.

ИВАН. На Бог надо срать, хорошо жить, умирать в пустота попадать.

СВЕТЛАНА. Надо забыть Бог.

ИВАН. Да, как скот жить: жрать и срать.

СОРОКИНА. Иван, отец тащить до конца.

ПЕТР. Да, тухлый отец не бросать.

ИВАН. Не приказывать мне. Если приказывать, я убивать.

СОРОКИНА. Я тебя сама убивать.

СВЕТЛАНА. Тихо! Телевизор не переорать!

ИВАН (оттаскивает отца в угол). Вот здесь бросать.

СОРОКИНА (Проскудиным). Ты уходить. Мне надоедать – целый день торчать.

ПРОСКУДИНА. Еда давать, тогда уходить.

СОРОКИНА (указывает в угол). Мой муж жрать – вот такой еда.

ПРОСКУДИНА. Суши хотеть, деликатес, а твой муж пусть детдом жрать.

СВЕТЛАНА. Ха-ха! Я любить над сирота смеяться! Они уголовник вырастать, никогда гламур не знать.

СОРОКИНА. Хорошо, что окна бомба выбивать – теперь мы пластиковый рама ставить.

ИВАН. Война – хорошо. Лишний человек умирать.

СВЕТЛАНА. Да, теперь Москва свободней стать. Нет мерзкий чурка.

СОРОКИНА. Раньше Москва полный говно быть – чурка, пробка.

ИВАН. Теперь мы сам – москвич. Теперь мы всех говном обзывать.

«Понаехали» говорить.

СВЕТЛАНА. Как будто интеллигентный ходить, как будто родословная и столовый серебро, а сам пустой внутри.

ИВАН. Да, пустой, как москвич.

СОРОКИНА. Света, от телевизор отрываться. Отмечать конец блокада. (Алле Львовне.) А ты с муж уходить – тебя не звать. И так у нас много жрать.

ПРОСКУДИНА. Если прогонять, мы у вас воровать деньги.

СОРОКИНА. Тогда оставаться. (В сторону.) Все равно их обмануть.

Выходит и входит с подносом шампанского и закусок. Раздает всем бокалы и таралетки, кроме Проскудиных.

СОРОКИНА (поднимает бокал). За снятие блокада с Москва!

ПРОСКУДИНА. А мне?

ПРОСКУДИН. А мне?

СОРОКИНА. А вас я обмануть.

СВЕТЛАНА. Новый поколение москвич обманывать старое поколение москвич.

ПРОСКУДИНА. Мы на вас жалобу писать Медведев.

ПЕТР. Медведев – марионетка. Нет настоящий власть.

СВЕТЛАНА. Вся власть у Путин.

ПРОСКУДИНА. Мы на вас жалобу писать Путин.

СОРОКИНА. Ах! Не надо! Нас Путин убивать! (Подает бокалы и таралетки.) Вот

напиток, еда.
ПРОСКУДИНА. Ха-ха, испугаться!
ПРОСКУДИН. За спасение Москва!
ВСЕ. За Москва!

Пьют.

ИВАН. Брат, иди вместе машина воровать, деньги делить?
ПЕТР. Иди.
СВЕТЛАНА. Я к парикмахеру ходить – кончики ровнять, брови щипать, потом проститутка ходить.
СОРОКИНА. А я на пенсия сидеть: нам государство копейка швырять, в нас злоба кипеть.
ПРОСКУДИН. Надо свой бизнес открывать.
ПРОСКУДИНА. Детей воровать.
ИВАН. Хороший идея! Сначала воровать, с родителей выкуп брать, а вместе ребенок – кукла в пакет возвращать. Потом малыш в подвал держать – собакой ебать, на камера кино снимать, извращенец продавать. Потом малыш убивать, орган в Америка отправлять. Три раза деньги брать.
СВЕТЛАНА. Недвижимость покупать и в аренда сдавать.
ПРОСКУДИНА. Кавказец не сдавать – он в ванну срать, вместе с мебель уезжать. Замок ломать.
ИВАН. Чтобы другой тебя не обманывать – надо хитрый, злой быть, на всех орать. Тогда в Москва сможешь жить, иначе тебя город жрать.
СОРОКИНА. Ваня – молодец. Ваня – москвич. Вся надежда на Ваня.
ИВАН. Все я уходить – дела крутить, лавэ поднимать.
СОРОКИНА. Возвращаться, Ваня.
ПЕТР. Возвращаться, брат.
СВЕТЛАНА. Приходить обратно!
ПРОСКУДИНА. Быть смелый!
ПРОСКУДИН. Если что – кусать.

Подходят к окну.

СОРОКИНА. Ваня иди.
СВЕТЛАНА. Мы сверху на Ваня смотреть.

Смеются.

СОРОКИНА. Веселый Ваня: бежать, прыгать.
СВЕТЛАНА. Как доллар.

Истерически смеются.

Дверь распахивается. Все оборачиваются.

СОРОКИНА (в ужасе). Я видеть огненный шар – это Бог. (Отступает.) Простить меня! Простить! Я в церковь дорогой свечка покупать!

Падает замертво.

ПРОСКУДИНА. Ха-ха-ха! Умирать! (Смотрит куда-то.) Ах! Теперь шар за мной приходить! Нет! Нет! Я из Москва уезжать! Только не убивать!

Падает замертво.

ПЕТР. Я убежать от шар!

Бежит и падает замертво.

ПРОСКУДИН (печально). Шар меня убивать.

Падает замертво.

СВЕТЛАНА (протягивает руку). Стоять, шар.

Падает замертво.

Входит Иван.

ИВАН (берет со стола телефон). Я iphone забывать. (Идет к выходу.)

Возле двери падает замертво.

КОНЕЦ.

© Copyright: [Валерий Печейкин](#), 2009